

Чарская Лидия Алексеевна

Гимназисты. Сирена. В глуши

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Гимназисты. Сирена. В глуши / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию,
2024. – 246 с.

ISBN 978-5-521-29819-8

ISBN 978-5-521-29819-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ни за что на свѣтѣ причину общаго возбужденія. Но зная, опять-таки по опыту, что нечестивые аріане—народъ скрытный и насмѣшливый, и еще, чего добраго, поднимуть на смѣхъ за излишнюю любознательность, батюшка вздохнулъ только и послѣ краткой молитвы, прочтенной дежурнымъ по классу, расправилъ свою красивую, русую бороду и, помѣстившись на каедрѣ, обвелъ глазами классъ.

Въ тотъ же мигъ, сосѣдъ Соврадзе, высоченный мрачный Комаровскій чуть-чуть подтолкнулъ подъ локоть зачитавшагося армянина.

— Спрячь книгу, мурза... Капернаумъ смотритъ.

— Э... Отстань, пожалуйста! Вотъ чѣловѣкъ!.. Бить буду!—неожиданно и громко заключилъ тотъ.

Несмотря на четырехгодичное пребываніе въ гимназіи (онъ поступилъ прямо въ 4-ый классъ),—Соврадзе все еще не умѣлъ чисто говорить по-русски и немилосердно коверкалъ языкъ къ полному огорченію преподавателя русской словесности.

— Соврадзе! тоненькимъ теноркомъ обратился законоучитель, къ мгновенно вскочившему со своего мѣста кавказцу,—положите храненіе на уста ваши до болѣе удобнаго для разговоровъ времени!

— Услыхаль-таки! проворчалъ себѣ подъ носъ Соврадзе, — вотъ чѣловѣкъ! и съ шумомъ опустился на своемъ мѣстѣ.

— Слоны! Чуть скамейку не вывернулъ! — разсердился Комаровскій, подпрыгнувшій чуть-лини на полъ-аршина при этомъ грузномъ плюханьи «мурзы».

Между тѣмъ батюшка раскрылъ классный журналъ, обмакнулъ перо въ чернильницу и, поставивъ имъ крошечную точку противъ одной изъ фамилій, произнесъ кратко:

— Николай Гремушинъ. Пожалуйста.

Батюшка былъ изъ „молодыхъ“, недавно окончилъ академію, носилъ кокетливый академическій значекъ на груди и говорилъ ученикамъ «вы», всѣмъ безъ исключенія.

Коля Гремушинъ вскочилъ, какъ ужаленный, со своего мѣста...

— Простите, батюшка. Я не готовилъ урока, — произнесъ онъ, чуть-чуть заикаясь и густо краснѣя алымъ, яркимъ румянцемъ.

— Да ну-у? изумленно протянулъ батюшка. Гремушинъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, занимался онъ прекрасно, никогда не манкировалъ и былъ на хорошемъ счету у начальства. Отецъ Капернаумъ взглянулъ на юношу, какъ на трудно-больного, нуждающагося въ скорой и безотлагательной помощи и произнесъ печально:

— Не хорошо, Гремушинъ... Не похвально!.. Вы, можно сказать, въ предверіи университета, дѣйствительный, можно сказать, студентъ черезъ три мѣсяца и такое упущеніе. Садитесь, Гремушинъ и, какъ ни прискорбно, я долженъ вамъ поставить двойку.—И еще разъ съ сокрушеннымъ видомъ покачавъ головою, батюшка уже обмакнулъ перо въ чернильницу, готовясь привести свою угрозу въ исполненіе, какъ неожиданно съ послѣдней скамейки поднялся высокій Комаровскій и произнесъ мрачно и уныло:

— Батюшка! Вы хотите поставить «пару» Гремушкѣ, но въ такомъ случаѣ и мнѣ... и намъ всѣмъ по парѣ внесите... потому что никто изъ насъ урока не готовилъ... И...и не въ зубъ толкнуть о Даніилѣ Заточникѣ.

— Да... да... никто не училъ... Не готовили! — дружно прогудѣло по классу.

Батюшка пугливо насторожился.

— Такъ и есть. — Набѣдокурили сорванцы! вихремъ пронеслось подъ его пышной и густой шевелюрой.

Но вдругъ болѣе счастливая мысль замѣнила только что мелькнувшую догадку и отецъ Капернаумъ, загадочно улыбнувшись, произнесъ глядя куда-то вдаль своими добрыми, сѣрыми глазами:

— А Радинъ, я знаю, все же приготовилъ заданное! Выйдите сюда и отвѣчайте, Радинъ.

Красивый, блѣдный, невысокій юноша, лѣтъ семнадцати, не торопясь поднялся со своего мѣста. Его тонкое породистое лицо, съ синими, чистыми глазами, съ благородно очерченнымъ горделивымъ ртомъ, съ цѣлою шанкою густыхъ, каштановыхъ кудрей, открытое, мужественное и прекрасное, смѣло повернулось къ отцу Капернауму.

— Вы ошиблись, батюшка, я тоже не готовилъ урока на сегодня! произнесъ онъ мягкимъ и пріятнымъ теноромъ.

Юрій Радинъ вмѣстѣ съ барономъ Нэдомъ фонъ-Ренке были первыми учениками класса и будущими медалистами, внѣ всякаго сомнѣнія. На Юрія Радина отецъ Капернаумъ надѣялся, какъ на каменную стѣну. Его прилежаніе и усердіе ставились на видъ всѣмъ остальнымъ ученикамъ и поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если подобный отвѣтъ любимца привелъ въ справедливое уныніе опечаленнаго батюшку.

— Какъ-же вы такъ, юноша? безпомощно развелъ руками священникъ.

— Я не готовилъ урока! еще разъ спокойно и не громко произнесъ Радинъ.

Отецъ Капернаумъ хотѣлъ отвѣтить что-то,

раскрылъ ротъ, но ему не пришлось произнести ни слова.

Быстрѣ птицы ринулся со своего мѣста отъ столика «иновѣрцевъ» маленькій, черноокій еврей Флугъ, съ пылающимъ взоромъ и лихорадочными пятнами чахоточнаго румянца на щекахъ. Въ одну секунду пробѣжавъ длинное узкое пространство между классными партами, онъ очутился передъ отцомъ Капернаумомъ, весь взволнованный, трепещущій и возбужденный.

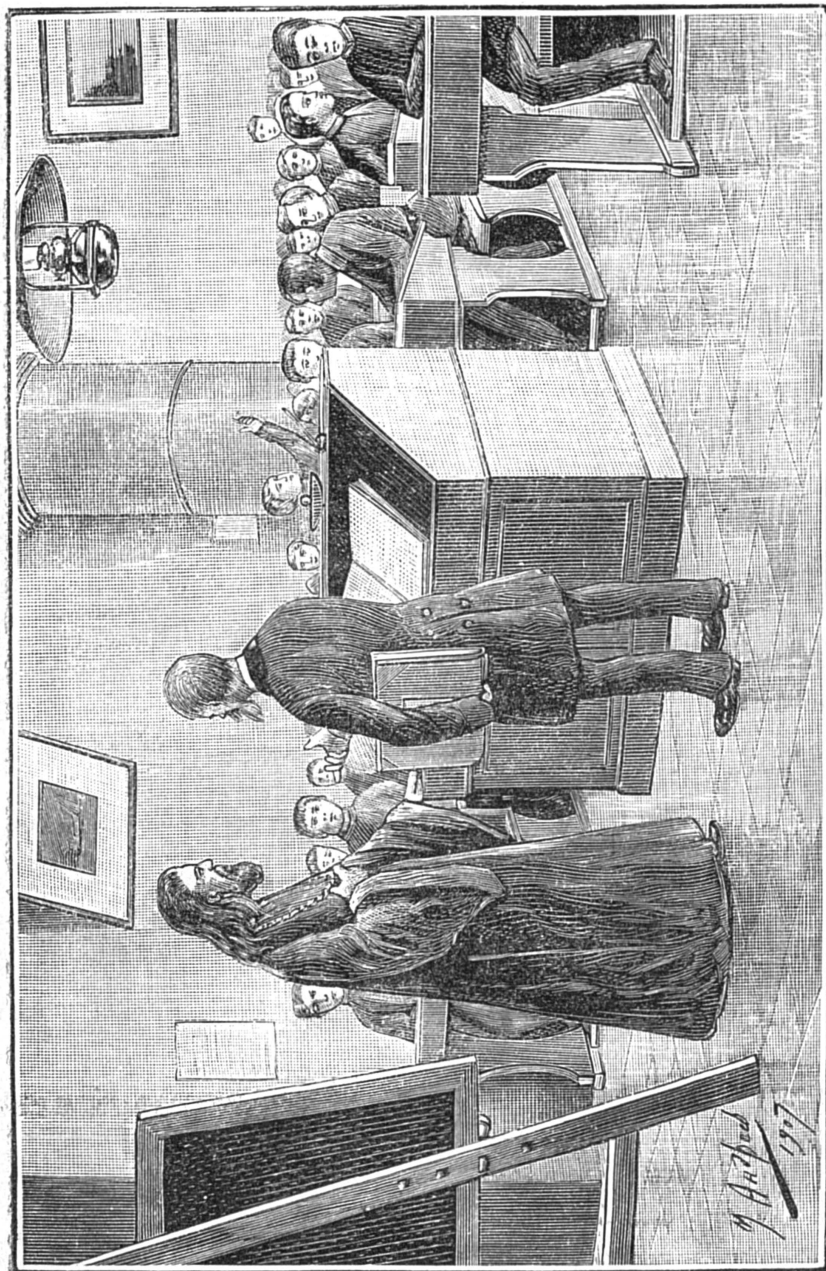
— Господинъ священникъ!—прозвенѣлъ его надреснутый отъ явнаго недуга голосокъ,—г. священникъ, выслушайте меня... Вы русскій законоучитель—я еврейскій юноша,—ученикъ... Мы люди совершенно различныхъ положеній... Но, какъ и у всѣхъ людей, должна быть соединяющая ихъ связь, такъ и у русскаго священника съ еврейскимъ юношей должно быть соединяющее ихъ души звено... Это звено—чуткость... И она должна быть вамъ присуща, господинъ священникъ.

— Аминь! Истина, да будетъ такъ!—прогудѣлъ загробнымъ голосомъ Каменскій со своего мѣста на первой партѣ.

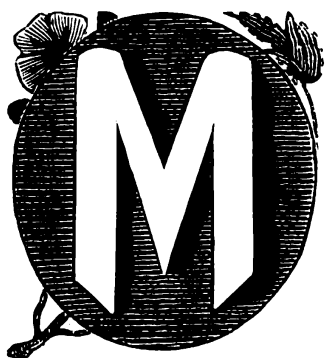
— Каменскій! не юродствуйте!—осадила его батюшка,—а, вы, Флугъ...

Но отцу Капернауму не суждено было и на этотъ разъ докончить своей фразы. Дверь широко распахнулась и въ классъ Аріанъ пулей влетѣлъ или, по выраженію гимназистовъ, «вонзился» Луканька.

Дверь широко распахнулась и въ классъ Аріанъ пулей влетѣлъ Луканька.

ГЛАВА II.

На допросъ къ директору.

МАРТЬЯНЪ Ивановичъ Лука-
новъ, инспекторъ классовъ
N-ской гимназіи, имѣлъ цѣлыхъ
три прозвища, не въ примѣръ про-
чимъ. Звали инспектора „тѣнью
отца Гамлета“ за его чрезвычайно худую, какъ
у скелета, костлявую фигуру, на которой точно
на вѣшалкѣ болтался форменный вицъ-мундиръ!
Звали еще почтеннаго Мартьяна Ивановича
„Иродомъ“ за его хроническое, упорное преслѣ-
дованіе гимназистовъ и, наконецъ, „Луканькой“.
Послѣднее прозвище являлось самымъ общеупо-
требительнымъ и распространеннымъ. По первому
же взгляду, кинутому на инспектора, отецъ Ка-
пернаумъ понялъ, что предчувствіе не обмануло
его, что у Аріанъ доподлинно что-то стряслось
и весьма нешуточное. Худое, сухое и дряблое
лицо инспектора все прыгало отъ волненія. Гряз-
новато-сѣрые баки вздрагивали... Губы тряслись...
Въ его лѣвой рукѣ была внушительныхъ размѣ-
ровъ штрафная тетрадка, „послужной списокъ“,
какъ прозвали ее гимназисты, вся испещренная
фамиліями провинившихся учениковъ, подлежащихъ
взысканію за всякаго рода сложные и несложные
продѣлки и проступки, „вольные, яже невольные“.

Въ другой рукѣ Луканька держалъ карандашъ,
нервно постукивающій о толстую обложку „по-
служнаго списка“.

— Простите, батюшка,—произнесъ онъ, на-
скоро подходя подъ благословеніе къ священни-

ку,—но я по приказанію директора принужденъ отозвать троихъ учениковъ съ вашего урока. Дѣло требуетъ безотлагательнаго выясненія.

И Луканька кинулъ на батюшку многозначительный взглядъ.

Отецъ Капернаумъ только молча наклонилъ въ отвѣтъ свою великолѣпно расчесанную голову. Инспекторъ торопливо подбѣжалъ къ партамъ и, бѣгая по промежутку, между рядами скамеекъ, выкрикивалъ фальцетомъ:

Радинъ... Гремушинъ... Комаровскій... пожалуйста къ директору.

Названные гимназисты поднялись со своихъ мѣстъ и бодро зашагали на середину класса. Радинъ спокойно и величаво, красивый и гордый, какъ греческій Адонисъ, Гремушинъ своей быстрой, нервной и припрыгивающей походкой, Комаровскій, чуть раскачиваясь на длинныхъ ногахъ, навлекшихъ на него второе прозвище „вѣшалки“ со стороны его однокашниковъ-гимназистовъ.

Когда Комаровскій, невозмутимо-спокойный и мрачный, по своему обыкновенію, поравнялся съ партой, на которой сидѣлъ Каменскій, Миша не выдержалъ и, повернувъ къ нему свое свѣтлоглазое, смѣющееся лицо, незамѣтно воздѣлъ руки къ небу и замогильнымъ голосомъ прогудѣлъ:

— Помяни мя, егда приидеши во царствіе его! Кто-то неожиданно фыркнулъ.

Кто-то прыснулъ отъ удовольствія и въ результатѣ фамилія Каменскаго очутилась мгновенно въ „послужномъ списокѣ“.

— Такъ будетъ съ каждымъ, кто осмѣлится нарушить тишину въ классѣ!—торжественно возвѣстилъ Луканька, высоко потрясая карандашомъ.

— Вотъ чѣловѣкъ!—прозвучалъ заглушенный гортанный голосъ мурзы изъ рая,—сколько нашей крови высосалъ, а все тѣнь-тѣнью ходить... Ночью испугаться можно, когда на дорогѣ попадетсѣ... Кормъ нѣ въ прокъ!

Луканька, къ счастію, не слышавшій послѣдняго замѣчанія, вышелъ, сопровождаемый тремя названными учениками изъ класса.

Когда торжественное шествіе появилось въ корридорѣ, „галлы“, то-есть средніе классы, четвертые, пятые и шестые, имѣвшіе въ это время полуоффиціальныя уроки, къ разряду которыхъ гимназисты относили часы рисованія и пѣнія, высунулись, сдержанно недоумѣвая, изъ своихъ помѣщеній.

— Арестованныхъ ведутъ...—шептали они.— И съ ними Радинъ... „Примѣрникъ“... Несуразное что-то! Юрочкинъ! Чѣмъ вы провинились?

Маленькіе седьмые, или «мелочь», по прозвищу, тоже высунули носишки изъ своего класса и чуть слышно хихикали:

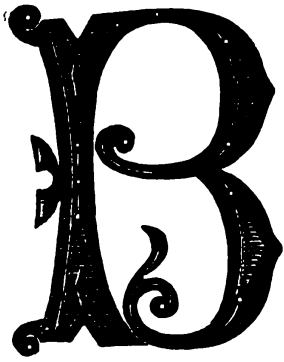
— Осьмериковъ накрыли! Вотъ здорово-то!.. На насъ кричатъ... а сами влопались...

— Сокрушу!—поймавъ этотъ чуть слышный лепетъ, лаконически, но съ грознымъ видомъ прогудѣлъ сквозь зубы мрачный Комаровскій, дѣлая по адресу мелочи страшные глаза.

Тѣ дружно гикнули и мгновенно исчезли за дверьми своего класса.

Минуты черезъ двѣ Луканька съ тремя арестованными очутились у дверей директорской квартиры.

ГЛАВА III.

Предательская замѣтка.

Въ красиво обставленной, нѣсколько сумрачной и казенной до „тошноты“, какъ о ней выразился кто-то изъ гимназическихъ остряковъ, пріемной директора всѣ четверо остановились.

Невольно, скорѣе по привычкѣ, нежели ради необходимости, юноши незамѣтно „обдернулись“, пригладили волосы и, чуть вытянувшись, уставились глазами на дверь сосѣдней комнаты, изъ которой долженъ былъ сію минуту появиться директоръ.

Но минуты проходили за минутами, протягиваясь съ досадной медлительностью, а „самъ“ все еще не показывался.

Прошла еще минута, другая и третья томительно-непріятнаго ожиданія... Еще... еще и еще...

Наконецъ портьера зашевелилась, подъ чьею-то властной рукой и Вадимъ Всеволодовичъ Анчаровъ, главное начальство N-ской гимназіи, появляется на порогѣ пріемной.

Онъ былъ невысокаго роста, круглъ, съ внушительныхъ размѣровъ брюшкомъ на коротенькихъ ножкахъ, съ полными отвислыми, лоснящимися щеками, съ полуголымъ черепомъ, блестящимъ и бѣлымъ, какъ слоновая кость.

Внушающій невольное уваженіе орденъ Анны висѣлъ подъ гладко выбритымъ подбородкомъ директора.